

КН. СЕРГѢЙ Н. ТРУБЕЦКОЙ О СВ. СОФІИ, РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ВЪРЪ ПРАВОСЛАВНОЙ

Отношеніе его къ славянофиламъ*)

Кончая курсъ университета (въ первой половинѣ 80-хъ годовъ) кн. Сергѣй Николаевичъ Трубецкой думалъ избрать предметомъ своей диссертациі «Ученіе о церкви и св. Софіи». Мысль эта была имъ потомъ оставлена, хотя работа была уже достаточно продвинута. Въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ Сергѣѣ, кн. Евгеній Николаевичъ Трубецкой пишетъ:

«Его юношескія вдохновенія, философскія мечты его студенческихъ годовъ, которымъ не было суждено созрѣть для печати, были полны образовъ любви, собирающей міръ и претворяющей хаосъ въ космосъ. Я знаю, что онъ незадолго до окончанія университетскаго курса работалъ надъ сочиненіемъ о св. Софіи, которое онъ считалъ главною своей философскою задачей, но рукописи его я не видалъ и не знаю, уцѣлѣла ли она. Но небольшой этюдъ его объ астрологіи я читалъ въ юности. Помнится — это было необыкновенно красивое и необыкновенно характерное для него построеніе, навѣянное ночнымъ созерцаніемъ безчисленныхъ міровъ. Основная мысль его резюмировалась извѣстнымъ изреченіемъ апостола : «Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу.»

Нѣтъ таинственнѣе загадки чѣмъ эти безконечные огни, горящіе надъ нами. Міры оторваны въ безконечномъ пространствѣ и взаимно отчуждены въ своемъ безконечномъ отда-

*) Настоящая статья — извлеченіе изъ Матеріала для біографіи покойнаго кн. С. Н. Трубецкаго, собран. кн. О. Н. Трубецкой.

леніи. Но въ предвѣчной любви собранъ этотъ распавшійся на части міръ: — въ предвѣчномъ замыслѣ все едино и звѣзды, и мы, люди, которые ихъ созерцаемъ изъ нашего безпредѣльнаго отдаленія. Люди духовно связаны со звѣздами и отъ того-то говорится въ Писаніи о грядущей славѣ людей, облеченныхъ въ солнце и звѣзды. У каждаго — своя звѣзда не въ переносномъ а въ буквальномъ значеніи слова. Ибо въ мірѣ, какимъ хотѣлъ и предвидѣлъ его отъ вѣка Богъ, нѣтъ мертваго вещества. Все вещество должно собраться вокругъ перворожденнаго всей твари — человѣка — и въ немъ одухотвориться. И когда соберется вокругъ человѣка, очеловѣчится все земное и небесное, тогда міръ увидитъ человѣчество облеченное въ солнце и звѣзды. Въ этомъ и заключается та грядущая слава человѣка и міра, о которой говорятъ слова апостола. Осуществится эта слава въ полнотѣ своей въ концѣ вѣковъ. Но и сейчасъ судьба каждаго человѣка духовно связана съ предназначенною ему звѣздою и въ этомъ заключается правда астрологіи.

У меня нѣтъ подъ рукою ни этого этюда, ни другихъ произведеній покойнаго брата, о которыхъ я знаю только изъ его рассказовъ, далеко не въ полномъ видѣ сохранныхъ моею памятью, но я не сомнѣваюсь, что центральныя первыя его мысли, тѣ мысли, которыми онъ жилъ, выразились именно въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ, а не въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, которые увидѣли свѣтъ. Понятно почему это случилось. Въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ непосредственно молодо, а потому, быть можетъ, иногда и наивно высказывалъ то, что больше всего любилъ и то, для чего онъ жилъ. Но къ любви своей онъ относился съ особеннымъ цѣломудріемъ, которое составляетъ отличіе подлиннаго мистика и съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое боится оскорбить свою святыню грубымъ къ ней прикосновеніемъ или неудачной попыткой выразить въ словахъ неизреченное... А кромѣ того, онъ, вѣрившій, что сердце человѣческое есть око, которымъ познается высшее откровеніе Духа, былъ чуждъ той легкомысленной вѣры въ чистоту этого ока, которое составляетъ характерное отличіе многихъ современныхъ мистиковъ. Онъ не довѣрялъ своимъ интуиціямъ, тщательно провѣрялъ ихъ судомъ своей христіанской совѣсти и въ особенности тщательно готовился къ тому, что онъ считалъ своимъ главнымъ философскимъ дѣломъ»*)).

*) Кн. Е. Трубецкой: «Изъ Прошлаго». Книгоизд. «Русь». Вѣна.

Къ сожалѣнію, только послѣ кончины Евгенія Николаевича намъ удалось розыскать одну главу, и то только 12-ую, изъ труда С. Н. «О Церкви и св. Софіи». — здѣсь между проч., разсуждая объ оторванности народа отъ своей интеллигенціи, отъ своего правящаго класса, Сергѣй Николаевичъ пишетъ:

«Мы всѣ чувствуемъ тяжело, мучительно этотъ разрывъ и жаждемъ полноты народной жизни, безъ которой личная жизнь не полна, ненормальна, тревожна и несчастна: ибо каждымъ изъ насъ сознательно или безсознательно чувствуется вселенскій идеаль цѣльности и полноты, преданный намъ не только Церковью, но и органически и исторически — всей жизнею народа и земли Русской, собирающимъ и образующимъ началомъ которой былъ именно этотъ вселенскій церковный идеаль. Конечно многіе его отрицаютъ, другіе его не признаютъ, но именно его отсутствіе въ жизни и ее несоотвѣтствіе его идеальнымъ требованіямъ рѣзко ощущается всѣми. Великое мѣсто оставлено пустымъ и цѣлый міръ кажется пустымъ, потому что онъ самъ ничто передъ этимъ мѣстомъ и всѣ идеалы, кромѣ вселенскаго, призрчны. Оттого Русь въ своей необъятной широтѣ тревожится въ отсутствіи глубины, ищетъ ее, потому что перестала его въ себѣ чувствовать. Всѣ члены огромнаго организма смѣщены колоссальнымъ разрывомъ, ни одинъ не занимаетъ нормальнаго мѣста и потому ни одна дѣятельность ненормальна и нездорова при всемъ богатствѣ здоровья и силъ народныхъ. Всѣ въ тревожномъ исканіи, все въ броженіи, смута легко овладѣваетъ умами при всеобщемъ недовольствѣ. Мы недовольны всѣмъ, жизнь наша ложная, ненастоящая, идеалы призрчны и пусты, искусство ложно и не даетъ истиннаго удовлетворенія, науки и школы у насъ нѣтъ. Правительство слабо и всякое дѣйствіе его есть лишь полумѣра и палліативъ, поддерживающій, но не реформирующій дѣйствительность, да и нѣтъ у него въ рукахъ средства на такую радикальную реформу. Въ самоуправленіи неурядица, въ хозяйствѣ государственномъ и частномъ раззореніе. Всюду хищеніе и неправда, и развратъ, семейныя и общественныя отношенія расшатаны».

«Если вселенская Церковь есть дѣйствительный и абсолютный идеаль, образующій Русь, если мудрость народная погружена въ мудрость вселенскую, то самый тайникъ народнаго творчества вытекаетъ изъ подъ Церкви и Ею чудотворно освящается. Идеаль творчества — Софія Вселенская — есть совокупность творческихъ первообразовъ или идей и всякое истинное творчество изъ него вытекаетъ и къ нему возвращается. Вся исторія наша, всѣ испытанія, бѣдствія, которыя мы пережили и переживаемъ, указываютъ намъ на необходи-

мость умудриться... Безъ школы нѣтъ образованія, безъ науки нѣтъ школы, а безъ философіи нѣтъ науки. Для философіи же прежде всего необходимо самое раскрытіе вселенскаго идеала Церкви, т. е. вѣчной Софіи, — необходимое философское исповѣдываніе православной вѣры. Если она вселенски истинна, то этимъ она побѣдитъ всѣ другія философскія исповѣдыванія, манящія и смущающія умы православныхъ суетной глубиной лжеименныхъ знаній. Россія должна сознать свою мудрость въ мудрости вселенской, ея умъ (интеллигенція) долженъ въ эту мудрость проникнуть и только исполненный ею онъ можетъ образоваться и творить. Тогда онъ будетъ и все познавать въ этой мудрости, все постигать и связывать ею и создастъ вселенскую науку, которая не будетъ, однако, безнародной абстракціей, но будетъ обще-народной и русской, ибо вселенскій идеаль не исключаетъ ничего кромѣ ложнаго самоутвержденія ложныхъ началъ и стихій. И наконецъ тогда только явится истинная народная школа, которая будетъ образовывать и воспитывать умъ народа, русскую интеллигенцію, сообразно вселенскому идеалу. А до тѣхъ поръ и въ настоящее время задача всякаго патріота — будить сознание этого идеала въ обществѣ и всякаго ученаго и мыслящаго человѣка способствовать развитію русской философіи. Не всѣ могутъ быть философами умозрительными, но всѣ должны любить мудрость всей волей, умомъ и дѣломъ: въ этомъ смыслѣ всѣ должны философствовать, и кто не философъ, тотъ не христіанинъ. по выраженію св. мученика Юстина».*)

Въ свои студенческіе годы Сергѣй Николаевичъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ славянофильства, но съ самаго начала 90-хъ годовъ онъ сталъ отходить отъ него и уже въ статьѣ его о К. Леонтьевѣ въ 1892 году (***) заключалось, какъ онъ говорилъ, его формальное отреченіе отъ славянофильства. Однако, въ своей характеристикѣ общаго философскаго міросозерцанія Сергѣя Николаевича, Левъ Мих. Лопатинъ указываетъ, что хотя онъ значительно эмансипировался отъ первоначальнаго вліянія славянофильства, тѣмъ не менѣе основное понятіе его гносеологіи, — понятіе вѣры, — общее у него съ ними. У него, какъ и у славянофиловъ, вѣра является,

*) Вся эта выписка, къ сожалѣнію является ссейчасъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ фрагментомъ изъ рукописи кн. С. Н. Трубецкого о св. Софіи и Церкви.

**) См. «Разочарованный Славянофилъ» въ собр. соч. кн. С. Н. Трубецкого т. I, стр. 173 и «Вѣстникъ Европы» 1892. г.

какъ бы третьимъ источникомъ познанія, рядомъ съ чувственностью и разумомъ. *)

Но Сергѣй Николаевичъ вообще чуждъ былъ догматической предвзятости, и внутренній критерій его сознанія опирался на внутренній жизненный опытъ религіознаго характера и имъ освѣщался и просвѣщался. Подходъ къ разрѣшенію каждаго вопроса былъ для него непосредственно жизненный, а потому утопичность славянофильства не могла не вскрыться передъ нимъ при свѣтѣ исторической критики и провѣрки ихъ положеній. Способствовало этому и сближеніе съ Вл. Соловьевымъ и зима проведенная въ Берлинѣ, знакомство съ Гарнакомъ и болѣе широкой и глубокой подходъ къ изученію церковныхъ вопросовъ. «Verachte nur Vernunft und Wissenschaft», писалъ Сергѣй Николаевичъ одному своему пріятелю, который нападалъ на гнилой Западъ и его мѣщанство **),— «вотъ что славянофилы слишкомъ мало помнили точно также какъ и ихъ учителя, европейскіе романтики. Вся реакція позитивизма оправдывается этимъ недостаткомъ уваженія къ наукѣ и непониманіемъ научнаго духа, н е н а у ч н о с т ь ю «романтической метафизики съ ея геніальными интуиціями. Въ концѣ концовъ вся философія, вся общая теорія нашего славянофильства, всѣ его широкообѣщательныя программы свелись лишь къ какому-то многообѣщающему предисловію: сама книга не была написана, да и едва ли могла быть написана. Это во всякомъ случаѣ урокъ всѣмъ намъ, русскимъ людямъ вообще и идеалистамъ въ частности: книга еще не написана, а мы уже на нее ссылаемся и ею гордимся.

«... что касается мѣщанства, то я не знаю болѣе мѣщанской интеллигенціи, нежели именно наша: разница только въ томъ, что европейская интеллигенція обезпеченнѣе. Мѣщанство вездѣ есть, было и будетъ, и если восторжествуютъ идеалы социализма, то все человечество станетъ мѣщанствомъ. Это не значитъ, разумѣется, чтобы въ области духа ему принадлежало грядущее царство: оно будетъ, какъ и теперь, группироваться вокругъ вождей. У насъ есть мѣщане марксизма, мѣщане позитивизма, мѣщане идеализма, аристократовъ духа у насъ не больше, чѣмъ на Западѣ. И протесту противъ мѣщанства мы научились на Западѣ. Утверждать, что на Западѣ господствуетъ мѣщанство духа и что тамъ нѣтъ жажды

*) См. Л. М. Лопатинъ. «Философское міросозерцаніе кн. С. Н. Трубецкого» Вопросы философіи и психологіи 1906 г. № 1, стр. 126.

***) Изъ письма, найденнаго въ бумагахъ Сергѣя Николаевича.

духовной и жизни духовной — значить не знать духовной жизни Запада намъ современной. Я убѣжденъ, что еслибъ Вы ознакомились съ религіозной жизнью современной намъ Германіи (говорю о томъ, что ближе мнѣ знакомо), Вы нашли бы ее болѣе богатой, нежели Вы предполагаете, и измѣнили бы Ваше сужденіе. Укажу еще на скандинавскую литературу съ великимъ Киргегоромъ во главѣ, наконецъ на социальныя движенія, въ которыхъ сказывается не менѣе, нежели у насъ религіозно-этическое творчество. Можно было бы указывать на слишкомъ многое... между проч. и на самую науку, которая двигается впередъ не мѣщанами духа и у которой Вы не отнимете печати ея священства».

Въ вышеупомянутой статьѣ о К. Леонтьевѣ *) Сергѣй Николаевичъ указывалъ на довольно существенное и характерное недоразумѣніе въ богословскихъ теоріяхъ славянофиловъ:

«Православіе въ теченіе столькихъ вѣковъ, обособлявшее христіанскій Востокъ отъ христіанскаго Запада, является въ ихъ глазахъ новымъ принципомъ всечеловѣческой всемірной культуры. Съ точки зрѣнія Хомякова оно гармонически примиряетъ въ себѣ противоположныя крайности католицизма и протестантизма, единства и множества, авторитета и свободы. И въ то же время въ противность исторіи и не согласно ни съ практикой нашей церкви, ни съ авторитетными мнѣніями ея авторитетныхъ богослововъ, — римская церковь и протестантскія церкви не признаются церквами вовсе. Въ официальномъ ученіи нашей церкви, и въ особенности въ ея практикѣ, мы не находимъ ни такого остраго наступательнаго отношенія къ западному христіанству, ни такихъ широкихъ культурныхъ замысловъ. Римская церковь, сохранившая преемство апостольское, признается во всякомъ случаѣ за церковь, разъ что дѣйствительность ея не подлежащихъ повторенію таинствъ (крещенія, миропомазанія, иногда и священства) на практикѣ признается. Извѣстно, что греки въ этомъ отношеніи неоднократно измѣняли свой взглядъ, и главнымъ образомъ по политическимъ соображеніямъ. Съ большей принципиальной терпимостью, съ болѣе глубокимъ мистическимъ взглядомъ на божественный характеръ таинствъ, наша церковь видитъ въ западныхъ христіанахъ крещенныхъ членовъ церкви Христовой, предоставляя Христу судить ихъ».

Сергѣй Николаевичъ замѣчаетъ, что въ своемъ ученіи о

*) См. разочарованный славянофилъ. Въ собр. соч. т. I, стр. 180.

Церкви славянофилы постоянно смѣшиваютъ въ своихъ представлѣніяхъ земную церковь и Небесную, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки исторіи и дѣйствительности рассматриваютъ нашъ іерархическій строй, какъ какую-то случайность, а не органическій результатъ ея развитія. Реформы всего церковнаго строя, предлагавшіяся ими, по мнѣнію Сергѣя Николаевича, «болѣе подходятъ къ какимъ нибудь индипендентскимъ общинамъ, чѣмъ къ православной церкви. Эти преобразованія — демократизація церкви, выборное священство, выборная іерархія, женатые архіереи, серьезно предлагавшіеся въ славянофильскомъ лагерѣ, — несомнѣнно свидѣльствуютъ о недостаточномъ пониманіи духа православной церкви, ея прошлаго, ея будущихъ задачъ... Равнымъ образомъ и въ другихъ подробностяхъ славянофильскаго богословія, даже въ его полемикѣ противъ западныхъ исповѣданій оказались протестантскія вліянія.

* * *

Для Сергѣя Николаевича церковные вопросы стояли всегда на первомъ планѣ и въ самые трудные годы его профессорской дѣятельности не только положеніе университета удручало Сергѣя Николаевича. Самымъ тяжелымъ для него въ современной дѣйствительности являлось положеніе православной церкви и оскудѣніе церковнаго сознанія среди вѣрующихъ.

«... Грѣхъ противъ церкви, писалъ онъ (*), есть самый тяжкій изъ грѣховъ русскаго государства, грѣхъ противъ Духа, особенно тягостный для всякаго вѣрующаго патріота. Лучшіе изъ публицистовъ нашихъ обличали его со скорбью и ревностью. Напомнимъ краснорѣчивыя страницы И. С. Аксакова и В. Соловьева, которые раскрыли съ такой силою язвы нашей государственной церкви съ ея антиканоническимъ управленіемъ, отсутствіемъ независимой духовной власти и церковной свободы. При взглядѣ на ея упадокъ и запустѣніе, на невѣжественное духовенство, получающее дикое, безобразное воспитаніе, не способное ни понимать, ни удовлетворять духовныхъ запросовъ своей паствы, при видѣ глубокаго отчужденія отъ церкви всей образованной части общества и постепеннаго отпаденія отъ церкви религіозныхъ народныхъ массъ, влекомыхъ духовной жаждой, при видѣ всей этой немощи и безсилія, оскудѣнія духа, приниженіи и деморализа-

*) На Рубежѣ, посв. памяти Б. Н. Чичерина (1904 г.) Напечатано впервые въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» послѣ кончины Сергѣя Николаевича и въ собр. соч. Т. I. См. стр. 477.

ці ієрархіи, порабощенія церкви, что долженъ чувствовать истинно вѣрующій православный человекъ, видящій въ церкви положительную зиждующую основу не только государственности, но и жизни. Что долженъ чувствовать вѣрный, искренній ревнитель церкви, движимый стремленіемъ охранить ее отъ святотатственныхъ посягательствъ, отъ оскверненія и распаденія. Сквозь золото ризъ онъ видитъ цѣпи, сковывающія церковь и какъ вѣрный сынъ ея, онъ молится за ея освобожденіе»...

Но гдѣ же причина такого оскудѣнія церковной жизни?

Въ безвѣріи, равнодушіи въ просвѣщенныхъ слояхъ общества, въ расколѣ и сектантствѣ, разъѣдающихъ народъ. «Если мы вѣримъ въ божественную истину церкви, то мы должны вѣрить, что «врата ада не одолѣютъ ее». Но опасность существуетъ не для истины, а для насъ... Неужели Русь потеряетъ свою духовную твердыню, свою вѣру и перестанетъ быть православною? Мы такъ спокойно увѣрены въ томъ, что православіе есть наше вѣчное неотъемлемое достояніе. Но вѣра не есть недвижимая собственность и православіе не маіоратъ. Тотъ кто знаетъ его живую силу и правду, тотъ кто вѣритъ въ него, долженъ испытать себя въ своемъ къ нему отношеніи: Вѣрны ли мы церкви?... Образованное русское общество частью ушло, частью уходитъ изъ церкви. *) Наши предки жили церковною жизнью, а наша жизнь ничего церковнаго въ себѣ не имѣетъ... Средоточіемъ религіозной жизни нашихъ предковъ было православное богослуженіе: православный обрядъ проникалъ всю ихъ жизнь, глубоко и властно дисциплинировалъ ее, служилъ источникомъ и выраженіемъ религіозныхъ идей, въ которыхъ наши предки рождались и умирали. Умалять великое социальное значеніе обряда, можетъ только легкомысліе. Его общественное значеніе и сила неизмѣримы: онъ соединялъ миллионы людей въ одной мысли въ одномъ чувствѣ, въ одномъ образѣ, въ одномъ религіозномъ дѣйствіи. Обрядъ будилъ сознаніе высшаго собирательнаго, мистическаго единства, того сознанія, которое выражается въ дивномъ пѣснопѣніи: «Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ». Онъ служилъ реальной связью живыхъ поколѣній съ поколѣніями отжившими, которыхъ обнималъ въ себѣ его древній храмъ. Обрядъ былъ высшей поэзіей, высшимъ искусствомъ, высшей философіей нашихъ предковъ и въ его образахъ и дѣйствіяхъ воплощалась для

*) «О современномъ положеніи русской церкви». (Отрывокъ изъ неоконченной работы). Собр. соч. кн. С. Н. Трубецкого. Т. I стр. 438.

нихъ вся полнота христіанскаго православнаго ученія церкви. Догматическое развитіе этого ученія закончилось давно, въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Православная церковь покончила съ умозрительнымъ богословіемъ, ея задачей было хранить догматъ и сдѣлать его всеобщимъ достояніемъ. ввести его въ жизнь путемъ своихъ богослужебныхъ дѣйствій. Ея задачей было воспитать народы въ вѣрѣ Христовой, запечатлѣть эту вѣру въ ихъ сердцахъ, освятить ихъ ею, а ея богослуженіе было вмѣстѣ проповѣдью, молитвой, таинствомъ: оно было нагляднымъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ. И весь народъ, какъ одинъ человекъ, чтить церковь, какъ Храмъ Божій и правилъ ея обрядъ, сознавая тѣсную, органическую связь между этимъ обрядомъ и таинствомъ, въ немъ выражавшимся... Естественно онъ не всегда могъ отчетливо сознавать различіе между тѣмъ и другимъ, между формой и содержаніемъ. Отрицательной стороной этого обрядоваго христіанства является ритуализмъ, пагубныя послѣдствія котораго сказались въ расколѣ. Тѣмъ не менѣе и вся исторія этого раскола не только умаляетъ значеніе обряда, но наоборотъ показываетъ всю степень его значенія для раскольниковъ и православныхъ, одинаково засвидѣтельствовавшихъ свою ревность къ чистотѣ, къ православію обряда, какъ ни превратно понималась многими эта чистота и это православіе.

Въ наше время скорбятъ о неразумной ревности спорившихъ, или глумятся надъ нею, но только немногіе отдають себѣ отчетъ въ великомъ историческомъ значеніи этого церковнаго спора. Расколосось единство обряда, составлявшаго связующее звено религіозной жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый обрядъ утратилъ прежнюю силу и значеніе.

Замѣчательное дѣло, старообрядцы, повидимому всего болѣе дорожившіе старымъ обрядомъ, положили начало религіозному дробленію, расколъ породилъ сектантство. Съ другой стороны въ церкви, которая исправила, очистила обрядъ и соблюла его единство онъ, несомнѣнно утратилъ прежнюю дисциплинирующую, религіозную силу. Въ самомъ дѣлѣ въ древности обрядъ начинался въ церкви, но не кончался, въ ней и обнималъ весь строй домашней и общественной жизни, проводя въ ней религіозное начало».

Славянофильскую мечту о возвращеніи народнаго быта и жизни къ до-петровскимъ порядкамъ С. Н. считалъ вполнѣ утопичной и также полагалъ невозможнымъ возвращеніе къ старинѣ въ одной религіозной сферѣ, ибо нельзя вернуться къ старому строю жизни, не измѣнивъ всѣхъ условій современной культуры, быта и нравовъ. — Да и желательно ли? — спрашивалъ Сергѣй Николаевичъ, возвращеніе къ ритуализму,

«для котораго христіанство не только не было мыслимо внѣ «опредѣленныхъ обрядовыхъ формъ, но нерѣдко смѣщивалось съ обрядомъ или даже заглушалось имъ».

Славянофилы приписывали отчужденіе отъ Церкви русскаго современнаго общества реформамъ Петра, и западной культурѣ. «Нельзя отъ себя скрывать, писалъ Сергѣй Николаевичъ, что одну изъ причинъ указаннаго отчужденія надо искать въ неполнотѣ, несовершенствѣ исключительно «ритуальнаго пониманія христіанства, которое опредѣлялось «обрядомъ... Новыя сектантскія движенія распространяющіяся въ народѣ нерѣдко принимаютъ характеръ борьбы и протеста противъ обряда и церкви, какъ обрядоваго института».

Но чѣмъ же замѣнить обрядъ и его значеніе въ нашемъ быту? Что нужно, чтобъ возродить церковную жизнь и религіозную жизнь нашего общества?

Сергѣй Николаевичъ не раздѣлялъ оптимизма славянофиловъ и ихъ послѣдователей, видѣвшихъ оплотъ православія въ темныхъ массахъ деревенскаго люда, въ которыхъ хранится еще столько языческаго двоевѣрія и въ которомъ расколъ пустилъ такіе глубокіе корни. «Что бы сказалъ Царь «Алексѣй Михайловичъ, если бы ему сообщили, что истинное «православіе внѣ монастырскихъ стѣнъ хранится лишь въ «средѣ крестьянства и что оно утратилось въ средѣ бояръ, «дворянъ, именитаго купечества, среди приказныхъ и даже среди многочисленныхъ представителей мѣщанства?»

«И не измѣняется ли духовный строй нашего народа у насъ на глазахъ? Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на дезорганизацию крестьянства, на распаденіе быта и преданій старины, на охлажденіе народа къ церкви. Громадныя области Россіи, на югѣ напр., колонизованныя недавно, покрылись населеніемъ, представляющимъ новыя бытовыя особенности, среди котораго цѣлыя поколѣнія выросли безъ церкви и ушли въ штунду и другія секты. Затѣмъ явилась фабрика, столь измѣнившая прежній строй, явилась вся совокупность условій «новой культуры, противъ дѣйствій которой не могло устоять «старообрядчество, иногда столь упорное въ своемъ консерватизмѣ. Теперь и оно разлагается, и сыновья и внуки прежнихъ ревнителей старой вѣры переходятъ къ новымъ формамъ быта, чуждымъ всякой религіозности».

Сергѣй Николаевичъ видѣлъ «идеаль восточной церкви не въ развитіи земной культуры, не въ мірѣ вообще. Высшее выраженіе ея духа въ монастыряхъ и въ монашествѣ»*).

Въ одной изъ неизданныхъ рукописей его мы читаемъ:

*) «Разочарованный Славянофилъ». Собр. соч. Т. I, стр. 181.

«Нигдѣ христіанскій аскетизмъ не достигалъ такого чистаго и высокаго развитія, какъ въ православной церкви. И намъ, православнымъ, болѣе всего надлежитъ понимать положительное значеніе его въ жизни народа. Монастырь лучшее сокровище нашей жизни, ея гордость. Пусть ихъ клеймятъ высокоумнымъ презрѣніемъ люди, не знающіе духовной жизни, не задумывающіеся даже надъ тѣми могущественными побужденіями, которыя заставляютъ столь многихъ людей добровольно идти на этотъ тяжкій и лютой подвигъ. Пусть толкуютъ о распущенности иныхъ монастырей, о праздности и лѣни монаховъ, ихъ порокахъ. Мы знаемъ, что наши монахи не похожи на ангеловъ. Мы знаемъ, что нигдѣ противорѣчіе между идеаломъ и земной дѣйствительностью, между небомъ и землей не бываетъ глубже, хотя оно нигдѣ глубже и трезвѣе не сознается, нигдѣ оно не переживается мучительнѣе. Мы цѣнимъ монастырь, какъ институтъ, въ которомъ выражено цѣлостное ученіе православной церкви, ея глубочайшая вѣра въ невидимую Церковь безплотныхъ духовъ, молящихся Богу и славящихъ Имя Его. И мы цѣнимъ монастыри, несмотря на ихъ нечистоту, за тѣ святые жемчужины, которыя сіяли изъ ихъ стѣнъ. Постъ и молитва русскаго монашества воспитали нашъ народъ, и каково бы ни было это воспитаніе смиренія, добровольнаго отреченія, вѣры и послушничества, мы должны признать его дисциплинирующее значеніе, его великій нравственный престижъ. Какъ бы не были несовершенны наши монастыри — ихъ только и чтить нашъ народъ, ими воспитывается онъ въ сознаніи «Царства Божія», которое не отъ міра сего, которому надо служить самоотверженно, все принося ему въ жертву.

Заканчивая на этомъ нашу статью, мы старались въ ней возможно полнѣе воспроизвести мысли кн. С. Н. Трубецкого о русской церкви и православной вѣрѣ, высказанныя въ мало извѣстныхъ и мало доступныхъ сейчасъ статьяхъ и еще неизданныхъ рукописяхъ. Мысли эти кристаллизировались въ немъ и высказывались въ связи съ полемикой его противъ славянофильства, славную роль котораго въ русской культурѣ онъ, однако не думалъ отрицать. Существенную заслугу старыхъ славянофиловъ онъ видѣлъ въ томъ, что они выдвинули принципъ, совсѣмъ невѣдомый въ до-петровской Руси, — принципъ свободы совѣсти, а главное — понятіе о вселенской Церкви, которое не имѣло того значенія въ представленіяхъ нашихъ предковъ, какое получило послѣ нихъ (*). Несмотря на всѣ разногласія съ ними, онъ считалъ, что «славянофильство можетъ еще ожить, не отрекаясь ни отъ церкви, ни отъ

*) Кн. С. Н. Т р у б е ц к о й . «О современномъ положеніи русской Церкви». Собр. соч. Т. I, стр. 445.

«своего широко понимаемаго монархическаго идеала, ни отъ «народолюбія, ни отъ славянства, ни отъ гласности и свободы «совѣсти, лишь бы его послѣдователи или преемники отрек- «лись отъ его ложнаго анти-историческаго пониманія Западна- «го государства, западнаго христіанства и западной культуры.

«Современная русская культура смѣшанная и соединяетъ «въ себѣ внѣшнимъ образомъ два различныхъ, отчасти проти- «воположныхъ другъ другу начала — византійское и евро- «пейское. И между тѣмъ эти два начала въ равной степени «исторически необходимы: ни отъ того, ни отъ другого Рос- «сія не хочетъ и не можетъ отречься, не отрекаясь отъ самой «себя, отъ всей своей силы и своихъ вѣрованій, отъ своего на- «рода и своей интеллигенціи, отъ своего прошлаго и будущаго. «Въ этомъ вся оригинальность, все трагическое своеобразіе «настоящаго положенія, въ этомъ великая историческая за- «дача Россіи, отъ рѣшенія которой зависитъ вся ея судьба и «судьба славянства (*).

Кн. О. Т.

«) См. «Противорѣчіе нашей культуры». Вѣстникъ Европы 1894 г. Т. IV, стр. 516 и 526 (Августъ).